

Татьяна КАТРИЧ

НАСТЁНА

Рассказ

Настёна открыла один глаз. В комнате было темно, но угадывались знакомые очертания предметов: большая белёная печка, расписанная неведомыми птицами и цветами, круглый деревянный стол, покрытый домотканой вышитой скатертью, белые, тоже вышитые, занавески на нижней половине окон. Сама она лежала на большой высокой кровати, с никелированными шарами и огромной мягкой периной, в которой утопала её маленькая фигурка.

Через закрытую ставню пробился тонкий солнечный луч. Он, как разведчик, осторожно прокраля к кровати и остановился на носу девчушки. Нос был курносый, весь усыпан рыжими веснушками, и луч принялся считать веснушки, а может быть, исподтишка пытался нарисовать новые. Стало щекотно, Настёна засмеялась и чихнула. В это время ставни распахнулись, и в потоке яркого солнечного света, хлынувшем в комнату, маленький лучик сразу потерялся.

Не успела Настёна огорчиться, как в комнату вошла бабушка и ласково-ворчливо сказала внучке:

— Что, лежебока, выспалась? Поднимайся скорее. Ты забыла? Мы сегодня идём в лес за ягодой. Нужно успеть по холодку, пока сильная жара не наступила.

— Бабушка, бабушка, я давно не сплю, — подскочила на кровати Настёна, — я смотрю, как у тебя в доме красиво. Ты научишь меня вышивать? Я хочу дома у себя всё украсить.

— Мама тебе вряд ли позволит, у вас, в городе, это не модно, — усмехнулась бабушка. — Но научить-то научу. А сейчас умывайся быстренько и будем завтракать, всё готово.

Позавтракали на улице под старой яблоней. Стол и печка находились под навесом, который соорудил ещё неженатый младший сын бабушки Виктор. Дядя Витя отслужил в армии, назывался трудным загадочным словом «механизатор» и постоянно пропадал на работе. Высокий, загорелый, с постоянной белозубой улыбкой, он был кумиром Настёны. Она очень гордилась, что дядя Витя играет на гитаре в местной рок-группе, без них не обходится ни один деревенский праздник. Виктор казался ей настоящей звездой, а ещё он был очень добрым, и с его лица не склонила белозубая улыбка.

— А дядя Витя уже на работу ушёл? — спросила девочка, невольно посмотрев наверх.

— Ничего, жар костей не ломит, — отозвалась бабушка. — А ну как змея или насекомое зловредное? А ещё можно на сучок напороться.

В корзинку была положена тонкая болоньевая куртка. «Вдруг дождь», — пояснила бабушка. Там же оказались пирожки для перекуса.

— Мы на весь день идём? — спросила Настёна. — Зачем столько всего брать?

Наконец они собрались и, зайдя по пути в несколько дворов, собрали небольшую компанию из бабушкиных товарок, как она их называла, и ребятишек. Весёлой гурьбой за полчаса дошли до леса и углубились в него. Городской ребёнок, кроме парков, нигде не бывал, на опушке получил строгий наказ. Бабушка предупредила Настёну, что держаться нужно рядом, не отходить от неё ни на шаг, а если вдруг потеряет из виду, оставаться на месте и не ходить одной по лесу.

— Садись на пенёк и жди, когда тебя найдут, а то заблудишься, — сказала бабушка.

Стайка детей и женщин разбрелась по лесу, стараясь постоянно видеть друг друга. Время от времени весело перекрикивались, иногда кричали: «Ay!», а другие отвечали, иногда пели. В основном брали малину, но если попадалась лесная земляника или смородина, тоже брали. Душистые лесные яго-

— Жарко будет.

ды ценились больше, чем садовые. Ближе к полудню компания собралась на круглой затенённой полянке и устроила небольшой перекус. На траву расстелили прозрачную полиэтиленовую плёнку, каждый выложил свои припасы. Стол получился разнообразным, хотя и простым: варёные картошка и яйца, помидоры, огурцы, зелень с собственных огородов, пироги с разными начинками. Разве дома бывает так вкусно? Был и чай, предусмотрительно налитый в большие термосы, а на десерт – сладкая ароматная ягода. Корзинки были почти полны, решили ещё немного «побрать» и отправляться домой.

Настёну после обеда совсем разморило. Она через силу брела в отяжелевших ботинках за бабушкой, мечтая поскорее очутиться дома. Присела на пенёк и ненадолго прикрыла глаза. Ей показалось: на минутку, но когда открыла, бабушки рядом не было и никого не было. Она неуверенно подала голос, никто не отозвался, тогда она начала кричать, как ей казалось, громко, изо всех сил, но в ответ – тишина. Она побежала было вперёд, но остановилась, вспомнив бабушкин наказ неходить по лесу одной.

«Я заблудилась! – поняла она и похолодела от страха. – Бабушка говорила никуда неходить, меня обязательно найдут. Только почему

никто не отзыается и не слышно голосов, мы же всё время перекривкалисся?»

Она снова начала кричать, поворачиваясь в разные стороны, но ниоткуда не доносился ответный крик. Настёна не знала, сколько времени кричала, пока не подвёл голос. Охрипла, а в ответ так и не услышала ни звука. Снова уселилась на пенёк и решила ждать, сама всё равно дорогу в деревню не найдёт. Хорошо, что прихватили болоньевую курточку, в лесу становилось прохладно, солнце закатилось за маcusки деревьев и не пробивалось через густую листву. Почувствовав голод, она сунула руку в карман сарафана и неожиданно наткнулась на маленькую горбушку хлеба, которую случайно положила туда, когда все обедали. Видимо, есть больше не хотела, а дотянуться до стола и вернуть обратно не было сил. Сейчас она с радостью уплела зачерствевший хлеб вместе с ягодами и почувствовала себя бодрее. Что делать дальше, Настёна не знала. Её никто не нашёл и на зов не откликнулся. Вечерело. Видимо, придётся провести ночь одной в лесу. От ужаса девочка тихо заплакала. Громко плакать и кричать она боялась, вдруг её голос услышат дикие звери, придут и съедят. Она закрыла глаза и, раскачиваясь, тихо скулила, как маленький щенок.

– Ты чего тут одна делаешь? – услышала она громкий голос и открыла глаза.

Перед ней стоял незнакомый мужчина с корзиной, полной грибов, и внимательно её рассматривал.

– Ты чьих будешь? Я тебя в нашей деревне не видел. Городская, что ли? – не дождавшись ответа, продолжал спрашивать человек.

– Я бабы-Нюсина, – пискнула Настёна и зарыдала в голос. – Я заблудилась! – сквозь рыдания еле выговорила она.

– Да как заблудилась-то? Тут до деревни рукой подать, вон и тропинка рядом, – удивился и не поверил мужчина.

– Мы ягоду собирали, я потерялась, кричала-кричала, никто не отзыается. Бабушка велела никуда неходить, а ждать, пока найдут, – сбивчиво сквозь слёзы рассказывала Настёна.

– Вот оно почему в лесу шум такой, это тебя, значит, ищут, – задумчиво сказал грибник. – А ить не нашли бы, коли я не наткнулся. Тут ложок вниз идёт, отсюда не слышно тебя и ты звук не слышишь, он поверху идёт,шибко мелкая ты.

Мужчина сложил руки рупором и начал кричать: «Ау! Сюда! Нашлася!»

Через некоторое время к ним прибежал запыхавшийся дядя Витя и, схватив Настёну на руки, принял-

ся целовать и ощупывать, при этом приговаривая:

– Ты цела? Ничего не болит? Испугалась?

Она уткнулась в грудь родного человека и дала волю слезам, постепенно успокаиваясь. Через некоторое время подоспела испуганная бабушка, Настёна перестала плакать и даже пыталась успокоить её:

– Я нашлась, я всё делала, как ты велела, никуда не уходила, ждала, когда найдут, и меня нашли.

– Вот незадача, – огорчённо сказала бабушка, – мы думали: она вперёд ушла, ищем в отдалении, а она, оказывается, отстала. Ну, всё хорошо, что хорошо кончается.

И они отправились домой. Дядя Витя не спустил племянницу на землю, как будто боялся снова потерять, а посадил себе на плечи, как сажают детей на демонстрации, чтобы им было лучше видно. Таким образом Настёна въехала в деревню, но не увидела этого: обняв Виктора за шею, она крепко спала.

